

ИДУЩИЕ ВМЕСТЕ (О СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ ЛЕВЫХ РАДИКАЛОВ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ)

© 2007 г.

В.П. Сапон

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vladimail2007@mail.ru

Поступила в редакцию 18.04.2007

Прослеживаются взаимоотношения российских леворадикальных партий и организаций с точки зрения их взаимного влияния и сотрудничества в борьбе с царским политическим режимом, а также на этапе воплощения социалистических целей. Значительное внимание уделено исследованию конкретных форм революционного сотрудничества большевиков, анархистов, левых неонародников, а также философских и социально-психологических основ этого сотрудничества. Делается вывод о том, что в немалой степени успех ленинской партии был обусловлен способностью вобрать в себя наиболее динамичные – как в теоретическом, так и в человеческом измерении – элементы русского социализма.

В свое время в отечественной историографии бесспорным считался тезис о коренном отличии ленинизма от других течений российской социалистической мысли, о перманентном конфликте большевизма с соперниками внутри революционного движения. Начало этой историографической традиции положил В.И. Ленин, писавший, что «большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности*, которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует» [1]. Впрочем, он же высказывал и более взвешенные оценки – например, в отношении народнической идеологии, которая, естественно, несла на себе печать «мелкобуржуазной революционности». В частности, лидер большевиков утверждал, что «русские социал-демократы всегда признавали необходимость выделить из доктрины и направления народничества его революционную сторону и воспринять ее» [2]. Здесь же можно привести ленинское высказывание о том, что «лучшее в *анархизме* может быть и *должно* быть привлечено (курсив В.И. Ленина. – В.С.)» [3].

Леворадикальные оппоненты большевиков также нередко демонстрировали стремление к компромиссу. В этом отношении показательна статья В. Васильева, открывшая в 1913 г. в центральном органе Партии социалистов-революционеров (ПСР) дискуссию по проблеме объединения социалистических организаций. Подразумевая эсеров и социал-демократов, автор доказывал, что «общих черт в обоих течениях во много раз больше, чем различий» [4]. В подобном духе высказывался и

идеолог анархизма П.А. Кропоткин. Часто нелицеприятно критикуя «собратьев социал-демократов», он вместе с тем признавал, что разногласия между революционными партиями «обуславливаются в особенности различием в способах действия», конечная же цель у всех социалистов общая [5].

Готовность к сотрудничеству в социалистическом лагере сменилась конфронтацией после Октябрьской революции 1917 г. Сначала ленинская партия завоевала монополию на политическую власть, затем понадобилось обосновать монопольное право большевиков на историческую истину. Постановлением ЦК ВКП(б) от 14 июня 1935 г. решение указанной проблемы переводилось в плоскость партийной дисциплины: «Необходимо добиться, чтобы члены партии усвоили, что марксизм-ленинизм вырос, окреп и победил прежде всего в борьбе со старыми народниками, а потом в борьбе с меньшевиками и эсерами» [6]. После этого вопрос о точках соприкосновения теории и практики российских левых надолго утратил свою актуальность для советских исследователей, если не считать отдельных замечаний в «самиздате».

С конца 1980-х годов, когда и в нашей стране появилась возможность открыто выражать мнения, происходит смещение акцентов при изучении многопартийной истории первой четверти XX в., предпринимаются попытки интегрального осмысления многопланового развития российского социалистического движения [7]. В целом, на смену прежнему разгромно-критическому подходу в партийной истории пришли новые подходы, которые

позволяют продолжить изучение общих начал многоликого русского социализма. Тем более что в наше время проблема сотрудничества идеологически близких партий имеет не только академическую, но и политико-практическую актуальность.

Взаимное влияние на идеологическом уровне

Весомым «вкладом» эсеровской теории в марксизм-ленинизм стала трактовка крестьянства как «рабочего класса деревни». Обуславливая классовое расслоение не отношением к средствам производства, а отношением к труду и распределению доходов, ведущий теоретик партии эсеров В.М. Чернов отказывался видеть в крестьянстве, живущем за счет собственного труда, какие-либо черты буржуазности и реакционности. Теоретик-неонародник утверждал, что «самостоятельный рабочий земледелец, как таковой, очень восприимчив к социалистической пропаганде; восприимчив не менее (иные решаются даже утверждать – более), чем сельскохозяйственный батрак, пролетарий» [8]. Подобное углубление марксистского понимания классов (а именно так трактовал В.М. Чернов свою концепцию «трудового крестьянства») стало хорошим подспорьем для адаптации социал-демократической идеологии к условиям аграрной России. В ленинской доктрине трудящиеся слои деревни были провозглашены союзником пролетариата в классовой борьбе, вопреки скептическому отношению классиков марксизма к революционным потенциалам крестьянства и в соответствии с социологическими воззрениями неонародничества.

Впрочем, не только ленинизм, т.е. «по-русски трансформированный марксизм» (Н.А. Бердяев), вобрал в себя элементы родственных по духу доктрин, влияние различных социалистических теорий было взаимным. Как известно, ленинский «Декрет о земле» базировался на эсеровском плане «социализации земли», т.е. передачи земельного фонда страны не под юрисдикцию государства, а в общественное владение. А эта квинтэссенция эсеровской аграрной политики, в свою очередь, была заимствована из программ западноевропейских социал-демократических партий, которые руководствовались идеей Ф. Энгельса, высказанной в работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» [9].

Если умеренным эсерам «социализация» в деревне представлялась совместимой с

развитием капитализма в городе, радикальное крыло ПСР – максималисты шли еще дальше. В своих программных документах они требовали не только захвата земли, но и «всех орудий труда – фабрик, заводов, машин – в руки трудового народа... Всякое правительство делается в таком случае совершенно излишним, а остаются свободные общины, которые устраивают жизнь по общему согласию на таком основании: “каждый работает сколько может и берет сколько ему нужно...”» [10]. Здесь налицо переплетение марксистско-большевистских и анархо-коммунистических идейных влияний. Максималисты, по выражению В.М. Чернова, сразу же «влюбились в Советы». Уже в ходе первой русской революции они призывали к организации трудового народа «не под знаменем партий и не под профсоюзным значком, а под классовым, т.е. организованным в советы рабочих депутатов и в крестьянские союзы». Очень скоро идея Советов как классовых органов власти станет программным лозунгом большевиков. Российские историки И.А. Исаев и Н.М. Золотухина полагают даже, что идеи эсеров-максималистов оказали заметное влияние на формирование советского государства на первом этапе революции. Это выразилось не только в принятии таких законодательных актов, как «Декрет о земле» и «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». По мнению указанных исследователей, «практические преобразования в сфере экономики, социальной политики и государственного строительства (социализация земли, рабочий контроль, соединение властей в “работающих корпорациях”, советах) осуществлялись под воздействием и при участии эсеров» [11].

Идейное родство заметно также в доктринах большевизма и анархо-коммунизма. Самое главное, что объединяло русский марксизм и анархизм в дооктябрьский период – это нигилизм в отношении государства и права. (Идеи антигосударственности, как указывалось выше, не чужды были и радикальным эсерам.) Одним из первых в большевистской фракции к реабилитации первоначальных антиэтатистских положений марксизма приступил Н.И. Бухарин. В 1916 г. он писал, что «совершенно ошибочно различие между социалистами и анархистами в том, что первые – сторонники, вторые – противники государства». Молодой большевик утверждал, что «для социал-демократии, которая является или, по крайней мере, должна быть воспитательницей масс, теперь более чем

когда-либо, необходимо подчеркивать свою принципиальную враждебность государству» [12].

В следующем году В.И. Ленин написал книгу «Государство и революция», которая фактически узаконила бухаринские антиэтатистские декларации. Лидер большевиков заявляет, что «всякое государство есть особая сила для подавления угнетенного класса», и «поэтому всякое государство несвободно и ненародно (выделено В.И. Лениным. – В.С.)». В ходе насильственной революции рабочий класс должен заменить буржуазную государственную машину своей диктатурой, но «пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать» [1]. Поэтому, заключает В.И. Ленин, «мы вовсе не расходимся с анархистами по вопросу об отмене государства как цели» [13]. По справедливому замечанию американского историка С. Коэна, ленинская работа «Государство и революция» «сделала антигосударственность органической частью ортодоксальной большевистской идеологии, хотя она и оставалась несбывшимся обещанием после 1917 г.» [14].

Как большевики, стремясь к созданию пролетарской диктатуры, подразумевали в качестве конечной цели полное отмирание государства, так и анархисты, будучи в теории непримиримыми врагами «бюрократического Левиафана», на практике признавали относительную ценность некоторых форм государственности. Показательно, что патриарх русского анархизма П.А. Кропоткин в 1917 г. с трибуны Государственного совещания призвал провозгласить Россию федеративной республикой наподобие североамериканских штатов [15]. За подобное своеволие кое-кто из младоанархистов поспешил отлучить «мятежного князя» от анархизма, и определенные основания для этого имелись. По воспоминанию современника, старый анархист не признавал формы Советского государства, но когда с ним «приходилось говорить не о теориях, а о практике, то он понимал, что без государственной власти нельзя было бы закрепить достижения революции» [16].

Та же самая историческая практика заставила и большевиков внести серьезные коррективы в свою теорию. В частности, федерализм – краеугольный камень анархистской социологии – стал со временем органической частью ленинизма. В 1917–1918

гг. В.И. Ленин доказывал, что «наибольшая местная, областная и пр. свобода, известная в истории, дана была *централистической*, а не федеративной республикой (выделено В.И. Лениным. – В.С.)» [17]. А И.В. Сталин утверждал, что «федерализм в России не решает и не может решить национального вопроса, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории». Но после прихода к власти большевики должны были заняться построением многонационального государства на новых началах, и, как известно, именно федерализм стал организационным принципом Советской России и СССР.

Еще более близкое идейное родство объединяло анархизм с левым неонародничеством. По признанию одного из лидеров партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) И.З. Штейнберга, в первые годы после Октября, когда «призрачно-освободительный характер власти стал опытно-постижим», «лево-народничество, как социалистическая система, явно вдвигает себя в сферу *анархизма*» [18]. Левозсеровский теоретик заявил, что «знаменитая формула об “отмирании государства”... должна быть заменена другою: творческое *умерщвление* государства (выделено И.З. Штейнбергом. – В.С.)». Однако в этот тезис левые эсеры вкладывали своеобразное содержание. В отличие от большинства анархистов, они признавали необходимость переходного периода, который предшествует осуществлению анархизма в его развернутом виде; однако сохранение элементов власти на данном этапе должно сочетаться с максимальным количеством анархических элементов. Левые эсеры и анархисты демонстрировали много общего и при конструировании экономической модели русского социализма. Не отрицая необходимости крупного промышленного производства, они вместе с тем опасались «губительного влияния крупнохозяйственных, крупнотерриториальных, законодательных форм социальной жизни», и поэтому оптимальным считали преобладание мелких и средних предприятий в социалистическом хозяйстве [19].

В аграрной политике проповедовались аналогичные идеи. Как анархисты, так и эсеры, верили в устойчивость крестьянских хозяйств, которым под силу успешная конкуренция с крупными сельскими товаропроизводителями.

В интересах социализма предполагалось использовать общинно-кооперативные традиции и формы жизни российского крестьянства. Под словами П.А. Кропоткина о том, что «кооперативное движение огромно и в высшей степени важно по своей сущности», подписался бы любой социалист-революционер. В 1920-е годы правильность этого положения осознают и большевики. «Как устарел, – говорил В.И. Ленин после встречи с П.А. Кропоткиным в 1918 г. – Вот живет в стране, которая кипит революцией, в которой все поднято от края до края, и ничего другого не может придумать, как говорить о кооперативном движении» [20]. Через несколько лет председатель Советского правительства критически переосмыслил свое отношение к проблеме кооперации и пришел к выводу, что строй социализма – это «строй цивилизованных кооператоров».

Организационное сотрудничество

Взаимное влияние левых партий в идеологии подкреплялось их многолетней солидарной борьбой сначала против царского режима, а затем за воплощение социалистических идеалов.

Зачастую дело доходило до организационного слияния. Например, накануне первой революции в Уфе, Екатеринбурге, Перми и Златоусте существовали отделения Уральского союза социал-демократов и социалистов-революционеров. Локальные организации подобного типа существовали также в Саратове, Астрахани, Ташкенте и Оренбурге [21]. Объединительские настроения еще больше усилились в революционные годы. Упомянем в этой связи Крестьянскую группу, созданную летом 1905 г. эсерами и эсдеками в Нижнем Новгороде для пропагандистской работы в соответствующих слоях населения [22], а также Южно-Русскую группу анархистов-синдикалистов (основана в сентябре 1906 г. в Одессе), к которой примкнули организации эсеров, максималистов и эсдеков. И хотя межпартийные объединения не были длительными, тем не менее логика революционной борьбы заставляла различные фракции социалистического движения действовать сообща.

В 1903 г. эсеры и эсдеки проводят общими усилиями стачки и демонстрации в Екатеринославе и Белостоке, в 1904 г. вместе агитируют за проведение первомайских демонстраций в Москве, Саратове, Одессе,

Гомеле и Вильно (в этом городе формируются также совместные вооруженные отряды, в которые вошли также бундовцы). В Белостоке летом 1904 г. анархисты, эсеры и бундовцы собираются на общие митинги, чтобы обсудить тактику противодействия местным текстильным фабрикантам [23]. Стремление к единению в наибольшей степени было свойственно тем организациям, которые не вдавались в тонкости программных положений и, вопреки представлениям своих руководящих органов, видели в представителях других партий не политических конкурентов, а соратников по общему делу. Особенно наглядно это проявилось в революционных событиях 1905–1907 гг., в ходе которых на первый план выдвигается инициатива социальных и партийных низов, а не доктринальные предубеждения политических лидеров.

Уже зимой 1905 г. между различными организациями левых партий налаживается активная взаимопомощь по организации забастовок и демонстраций, приобретению оружия и боеприпасов, созданию боевых дружин и осуществлению терактов. В Смоленске, Нижнем Новгороде, Ростове-на Дону, Пензе, Самаре, Харькове, Казани, Перми, Екатеринбурге, Одессе, городах Северо-Запада эсеры активно участвуют в стачках и демонстрациях в одном строю с социал-демократами. В некоторых городах (в частности, в Одессе, Белостоке, Екатеринбурге, Тифлисе, Кутаисе) эсеры объединяют свои силы с анархистами [24].

Эсеры, наряду с социал-демократами, были представлены практически во всех Советах (кроме Тверского), появившихся в 1905 г. При том что в органах революционной власти преобладающим было влияние эсдеков, представители левых партий везде действовали согласованно, нацеливаясь на вооруженное восстание. Столь же дружная работа налаживается и в различных общественных организациях, направляемых оппозиционными политическими силами. В частности, в руководство влиятельного Всероссийского железнодорожного союза, входили все течения антиправительственного лагеря, не исключая либералов и анархистов [25].

Пиком первой русской революции стало декабрьское вооруженное восстание в Москве, в ходе которого солидарно выступили боевые дружины различных левых партий и беспартийных. В «боевой комитет» на Пресне вошли несколько социал-демократов (от большевиков – З.Я. Литвин-Седой, который, по

его свидетельству, возглавил все боевые силы восставших) и эсеров (при этом «душой» восстания стал будущий максималист М. Соколов (Медведь)), а рядовыми боевиками выступили не только представители указанных партий, но и анархисты [26].

Боевое сотрудничество левых радикалов, причем в самых разных формах, продолжалось и в последующие годы. По свидетельству эсеровского публициста, в межреволюционную эпоху «широкая массовая деятельность не только не находится под руководством и контролем партийных организаций, но обнаруживает все большее стремление идти самостоятельной, общей всем социалистам дорогой, не втягиваясь в гущу межфракционных расколов и мелких групповых разногласий» [27].

Идейное родство и практическое революционное сотрудничество способствовали высокому уровню горизонтальной мобильности партийных рядов левого спектра. На крайний левый фланг – к анархистам уходят многие члены РСДРП, ПСР и максималисты. Будущий советский главный комиссар Госбанка и член ЦК РКП(б) Г.Л. Пятаков в 1904 г. вступил в ученический социал-демократический кружок, однако в годы Первой русской революции стал анархистом «кропоткинско-го толка» и участвовал в активной пропагандистской и экспроприаторской деятельности [28]. Один из идеологов и практиков российского анархо-синдикализма Д.И. Новомирский (Я. Кирилловский) в юности примыкал к социал-демократам и даже избирался Одесским комитетом РСДРП на III съезде партии, на котором так и не появился, так как к тому времени уже ушел к анархистам. (Кстати, в 1920 г. он вступил в РКП(б)). Организаторы московской группы анархистов-коммунистов «Бунтарь» (1906–1907 гг.) Александр и Ольга Таратута незадолго до этого также были активными участниками социал-демократического движения. Уже после событий первой русской революции на анархо-синдикалистскую платформу переходит известный большевик Н.В. Крыленко: в 1909 г. он публикует книгу «В поисках ортодоксии», в которой подвергает критике тактику социал-демократов [29].

Известный анархист-коммунист Н.И. Музиль (Н. Рогдаев) в конце 1890-х – начале 1900-х гг. находился в эсеровских рядах, а политическую ориентацию изменил после освобождения из Рязанского тюремного замка в 1902 г. [30]. Видные эсеры А. Карелин, В.

Волин (Эйхенбаум), А. Бессель отходят от деятельности в своей партии после разоблачения

Е. Азефа, а в 1912 г. они уже основывают в Париже Федерацию анархистов-коммунистов. Имели место и немногочисленные исходы анархистов – в основном к эсерам и максималистам. Примерно в это время известная Фанни Каплан (Ф. Ройтблат), по ее собственному признанию, «сделалась из анархистки социалисткой-революционеркой».

Нельзя не упомянуть и о переходах радикальных собратьев по оружию в стан большевиков. Будущий член ЦК РКП(б) П.А. Залуцкий с конца 1905 до 1907 г. состоял в рядах эсеров-максималистов, затем перешел к большевикам [31]. Возглавивший в 1918 г. Нижегородскую губчека Я. Воробьев начал свою политическую карьеру в партии Бунд. После первого тюремного заключения, в 1905 г., он организовал группу анархистов-коммунистов, но вскоре разочаровался в анархистских идеалах. В 1907 г. Воробьев вторично арестован и сослан в Архангельскую губернию. Здесь он становится убежденным большевиком. Земляк и коллега Воробьева – Генрих Ягода (Е. Иегуда) – также состоял в юности в анархо-коммунистах. В 1912 г. он был сослан в Симбирск, откуда по амнистии вернулся в следующем году. С этого времени будущий чекист сближается с большевиками [32].

В ходе подготовки антибуржуазной революции и после Октября 1917 г. леворадикальные партии вновь оказались в одном строю – до тех пор, пока логика борьбы за власть не развела их в разные стороны [33]. Как известно, левые эсеры, создав коалицию с большевиками, получили треть наркомовских и множество других ответственных постов в структурах Советского правительства. Активно они работали и во Всероссийском ЦИКе [34]. Анархисты А. Ге, Ф. Горбов, А. Карелин также организовали фракцию в высшем органе Советской власти. Александр Ге (Голдберг) в 1918 г. возглавил Кисловодскую ЧК и в том же году погиб в плену у денкинцев [35]. Анархист В. Шатов (тоже в юности причастный к социал-демократическому движению) в 1920 г. занял посты военного министра и министра путей сообщения Дальневосточной республики (ДВР), а впоследствии избран членом ЦИК СССР [36]. Логику анархистов (и, вероятно, не только их) выразил один из героев пьесы А.А. Карелина «Анархисты», заявивший: «Реакционной швали мы не будем помогать. Значит, не будем мешать

большевикам. Отказавшись от противодействия крестьянам, захватывающим землю, они стали впереди всех партий» [37].

Немалый вклад внесли левые соратники большевиков в разгром контрреволюции на фронтах Гражданской войны. Вспомним лишь наиболее известные имена. До того как стать мятежником, левый эсер А. Муравьев командовал Восточным фронтом; его товарищ по партии И. Сорокин возглавлял Красную армию Северного Кавказа. Анархист Н. Махно со своей повстанческой армией помогал большевикам громить Деникина и петлюровцев. В левозесеровских рядах состояли комдивы Ю. Саблин, В. Киквидзе (под его началом командовал полком анархист А. Железняков, «закрывший» Учредительное собрание), комбриг Г. Котовский. Легендарный комдив В. Чапаев еще в 1917 г. являлся членом саратовской организации анархистов-коммунистов. Под стать командиру был и комиссар Д. Фурманов, в свое время верховодивший сначала максималистами, а затем анархо-синдикалистами Иваново-Вознесенска [38].

Во второй половине 1918 г. и в последующие годы, когда произошло глубокое размежевание между большевиками и их недавними союзниками, ряды РКП(б) существенно пополняются за счет экс-анархистов и экс-эсеров. (В это время, например, становятся большевиками А.И. Егоров, бывший член ПЛСР и будущий советский маршал, а также известные анархисты Д.И. Новомирский, В.И. Федоров-Забрежнев, Н.А. Каландаришвили и др.). Большевики убедительно продемонстрировали умение организовать массы против контрреволюции и удержать власть, поэтому они сумели привлечь на свою сторону значительные силы из социалистического лагеря. С другой стороны, и ленинская партия победила не в последнюю очередь благодаря этим подкреплениям.

Истоки единства

Таким образом, межпартийное соперничество между радикальными течениями русского социализма не исключало достаточно глубокого взаимного влияния в теории и устойчивого союзничества на практике. На наш взгляд, это многолетнее сотрудничество, часто отрицаемое на словах, но существующее на деле, было обусловлено следующими причинами.

Во-первых, идея социализма-коммунизма, заимствованная когда-то из западных доктрин, с самого начала получила в России самобытное звучание. Леворадикальные партии конца XIX – начала XX века лишь продолжили начатое несколькими десятилетиями ранее дело концептуальной адаптации социализма к российским реалиям. Российская действительность стала мощным вдохновляющим и вместе с тем объединяющим началом для радикалов самых разных оттенков. Указанный фактор заставлял революционных идеологов существенно перелицовывать воспринятые ими западные социально-политические доктрины на русский лад. Это относится, в частности, к П.А. Кропоткину, испытавшему влияние позитивизма, и еще более – к В.И. Ленину, который основательно трансформировал многие марксистские положения.

Другим интегрирующим началом, характерным именно для радикалов, был основополагающий тезис об актуальности революции, который на психологическом уровне вылился в феномен революционного «нетерпения». Теоретически все радикальные мыслители признавали правомерность эволюционных форм социального развития наравне с революционными, однако в реальной политике они предпочитали «периоды ускоренной эволюции, ускоренного развития и быстрых перемен» (П.А. Кропоткин). Подобное хилиастическое нетерпение, как точно подметила английская исследовательница А. Келли, характерно для всех радикальных идеологий, которые апеллируют одновременно к стремлению отчужденной личности самоутвердиться и к ее острой потребности отождествить себя с наполненной высоким смыслом общностью [39].

Онтологическое родство леворадикальных теорий повлияло и на сходство методологии. И большевики, и анархисты, и левые неонародники стремились к познанию «тотальности общества», исходя из мысли, что «всегда существует нечто более действительное и более важное, чем отдельные факты или тенденции, а именно действительность **совокупного процесса**, целостность общественного развития (выделено Д. Лукачем. – В.С.)» [40]. Тоталитарность во всем, – повторяет Н.А. Бердяев вслед за «самым умным из коммунистических писателей» Д. Лукачем, – основной признак революционного отношения к жизни. Большевики в итоге оказались более последовательными в тотальном подчинении

всех своих помыслов и усилий центральной и целостной идее, поэтому они победили. Однако в немалой степени их успех был обусловлен способностью ленинской партии вобрать в себя наиболее динамичные – как в теоретическом, так и в человеческом измерении – элементы русского социализма.

Список литературы и примечания

1. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. (далее – ПСС) / В.И. Ленин. 5-е изд. – Т. 41. – С. 14.
2. Там же. Т. 4. – С. 232.
3. Там же. Т. 41. – С. 444.
4. Знамя труда. Центральный орган ПСР. – 1913. – № 48. – С. 4.
5. Кропоткин, П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия / П.А. Кропоткин. – М., 1990. – С. 370–371.
6. Цит. по: Антонов, В.Ф. Народничество в России: утопия или отвергнутые возможности / В.Ф. Антонов // Вопросы истории. – 1991. – № 1. – С. 9.
7. См., например: Исаев, И.А. История политических и правовых учений России XI–XX вв. / И.А. Исаев, Н.М. Золотухина. – М., 1995. – С. 302, 308, 318; История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. – М., 1994. С. 210; Ермаков, В.Д. Анархистское движение в России: история и современность / В.Д. Ермаков. – СПб., 1997; Штырбул, А.А. Левый блок в первой русской революции: исторический опыт и современность / А.А. Штырбул // Альтернативы. – 2005. – № 1. – С. 120–124.
8. Цит. по: Россия на рубеже веков. – М., 1990. – С. 309.
9. Там же. – С. 310.
10. Исаев, И.А., Золотухина, Н.М. Указ. соч. – С. 307.
11. Там же. – С. 308.
12. Ленин, В.И. ПСС. – Т. 33. – С. 333, 337.
13. Там же. – С. 20, 24, 60.
14. Коэн, С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938 / С. Коэн. – М., 1988. – С. 70.
15. Государственное совещание (стенографический отчет). – М.–Л., 1930. – С. 232.
16. Бонч-Бруевич, В.Д. Памяти П.А. Кропоткина / В.Д. Бонч-Бруевич // Ленин. Человек–мыслитель–революционер: (Воспоминания и суждения современников). – М., 1990. – С. 51.
17. Ленин В.И. ПСС. – Т. 33. – С. 74.
18. Штейнберг, И.З. Место анархизма в левом народничестве / И.З. Штейнберг // Сб. статей, посвященный памяти П.А. Кропоткина. Пг. – М., 1922. – С. 141–142.
19. Там же. – С. 149. См. также: Кропоткин, П.А. Поля, фабрики и мастерские. Промышленность, соединенная с земледелием, и умственный труд с ручным / П.А. Кропоткин. – М., 1918. – С. 187–189.
20. Бонч-Бруевич, В.Д. Указ. соч. – С. 55, 57.
21. Леонов, М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. / М.И. Леонов. – М., 1997. – С. 30.
22. Общественно-политические процессы, партии и движения в Нижегородской губернии в конце XIX – начале XX вв. В 2 т. Т. 1 / Автор-составитель Г.В. Набатов. – Н. Новгород, 2001. – С. 103.
23. Леонов, М.И. Указ. соч. – С. 37; Эврич, П. Русские анархисты. 1905–1917 / М.И. Леонов: Пер. с англ. И.Е. Полоцка. – М., 2006. – С. 52.
24. Леонов, М.И. Указ. соч. – С. 172–173; Гейфман, А. Революционный террор в России, 1894–1917 / А. Гейфман. – М., 1997. – С. 255–256.
25. Леонов, М.И. Указ. соч. – С. 199; Гейфман, А. Указ. соч. – С. 270.
26. Литвин-Седой, З.Я. Пресня в пятом году / З.Я. Литвин-Седой // Первая русская революция и ее историческое значение. Сб. документов и материалов. – М., 1975. – С. 341; Леонов, М.И. Указ. соч. – С. 211; История политических партий России / Под ред. А.И. Зевелева. – М., 1994. – С. 208–209.
27. Знамя труда. Центральный орган ПСР. – 1913. – № 48. – С. 3.
28. Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. Репринт. изд. – М., 1989. – С. 591.
29. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. – М., 1996. – С. 286, 402; 603–604.
30. Там же. – С. 374.
31. Шестой съезд РСДРП(б). Август 1917 г. Протоколы / Под ред. А.С. Бубнова, А.М. Коктыня и Г.И. Ломова. – М., 1934. – С. 332.

**COMING TOGETHER (ABOUT CO-OPERATION OF RUSSIAN LEFT RADICALS
IN THE EPOCH OF REVOLUTIONS AND CIVIL WAR)**

V.P. Sapon

The author makes an attempt to trace the relations between the Russian left radical parties and organizations from the standpoint of their mutual influence and co-operation in the struggle against the tsarist political regime and for achieving socialist goals. Considerable attention is paid to the research of specific forms of revolutionary co-operation between the Bolsheviks, Anarchists and Left Neopopulists as well as of philosophic and socio-psychological foundations of the co-operation. It is concluded that the success of the Leninists was largely due to the ability of this party to absorb the most dynamic – both in theoretical and human dimensions – elements of Russian socialism.

32. ЦДНИНО. Ф. 1866. – Оп. 1. – Д. 173. – Л. 18; Соколов, Б.В. Наркомы страха. Ягода. Ежов. Берия. Абакумов / Б.В. Соколов. – М., 2001. – С. 7–9; ЦАНО. Ф. 918. – Оп. 9. – Д. 63. – Л. 9–9 об.

33. О деятельности анархистов в период между Февралем и Октябрем см.: Ермаков, В.Д. Указ. соч. – С. 49–60.

34. К началу 1918 г. ВЦИК Советов II созыва включал в себя 182 большевика, 111 левых эсеров, 4 эсеров-максималистов, 1 анархиста, а также представителей других фракций. На III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в новый ВЦИК избрано 306 чел., из них 160 большевиков, 125 левых эсеров, 7 эсеров-максималистов и 3 анархиста. См.: Смирнов, Н.Н. Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа. – Л., 1988. – С. 114, 118.

35. Политические партии России. Конец XIX первая треть XX века. Энциклопедия. – С. 145. В этой связи упомянем, что анархисты и левые эсеры, наряду с большевиками, занимали высокие посты и в центральном аппарате ВЧК. В частности, с конца января до начала июля 1918 г. в состав членов ВЧК входило 17 большевиков, 10 левых эсеров и 2 анархиста. См.: Капчинский, О. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав / О. Капчинский. – М., 2005. – С. 162.

36. Политические партии России. Конец XIX первая треть XX века. Энциклопедия. – С. 691.

37. ЦАНО. Ф. 2209. – Оп. 3. – Д. 21446. – Л. 30 об.

38. См.: Фурманов, Д. Путь к большевизму, 1917–1918: (Дневник). – Л., 1927; Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. – М., 1989.

С. 241; Медведев, А.В. Неонародничество и большевизм в России в годы Гражданской войны / А.В. Медведев. – Н. Новгород, 1993; Леонтьев, Я.В. Пасынок революции / Я.В. Леонтьев // Родина. – 1997. – № 1. – С. 59–64.

39. Kelly, A. Mikhail Bakunin. A Study in the Psychology and Politics of Utopianism / A. Kelly. – New Haven–London, 1987. – P. 293.

40. Лукач, Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей / Д. Лукач. – М., 1990. – С. 61.